

doi:10.22363/2313-2337-2017-21-2-235-262

СВОБОДА ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА: СТАРЫЕ ПОДХОДЫ И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ТОЛКОВАНИИ СТАТЬИ 10 ЕКПЧ

А.К. Соболева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Факультет права

Б. Трехсвятительский пер., 3, Москва, Россия, 109028

В статье анализируется ряд решений Европейского Суда по правам человека по статье 10 о свободе выражения мнения, принятых за последние 10 лет. Актуальность исследования диктуется потребностями правоприменительной практики по разрешению дел о защите чести и достоинства и распространении информации, а также необходимостью теоретического осмысления концепций, связанных со свободой выражения мнения. Цель статьи — исследовать изменения в подходах Европейского Суда, а также проследить формирование новых концепций, которые будут оказывать в будущем влияние на рассмотрение дел этой категории на международном и национальном уровнях. Автор отмечает, что Европейский Суд, хотя и продолжает использовать хорошо устоявшиеся подходы и концепции, разработанные им ранее, все же не всегда придерживается их, особенно с учетом новых реалий. Кроме того, Суд продолжает создавать новые концепции и подходы, которые могут расширять привычное понимание того, что покрывается гарантиями статьи 10, а могут и сужать их. Особо внимание уделяется делам, которые формируют позитивные обязательства государства по статье 10, делам о свободе выражения мнения в политической дискуссии, о защите конфиденциальных источников информации, об ответственности новостных интернет-порталов за распространение комментариев третьей стороны, о «языке вражды». Анализируются последние дела, в которых статья 10 рассматривалась во взаимосвязи со статьями 8, 11 и 17 Конвенции. Автор приходит к заключению, что практика Европейского Суда по статье 10 развивается в том же русле, что и практика по другим статьям Конвенции — волнообразно. Толкуя в каждом новом деле положения статьи 10 о свободе выражения мнения и допустимых ограничениях, Европейский Суд старается сочетать креативный подход (как, например, в делах о праве граждан на запрос общественно значимой информации, имеющейся в распоряжении государства) с ограничительным подходом (как, например, в делах о свободе художественного творчества или защите частной жизни политиков). Баланс между конфликтующими общественными и частными интересами может проводиться по-разному в зависимости от конкретных обстоятельств дела и мировоззрения судей, которые рассматривают дело.

Ключевые слова: ЕКПЧ; Европейский Суд по правам человека; толкование ЕКПЧ; европейские механизмы защиты свободы выражения; доступ к информации; прецедентная практика ЕСПЧ; свобода выражения; позитивные обязательства государства; защита чести и достоинства; частная жизнь политиков; эволютивное толкование Конвенции; ограничительное толкование Конвенции

І. ВВЕДЕНИЕ

Право на выражение своего мнения, как считают исследователи, относится к наиболее признанным правам человека — оно закреплено в конституциях более 87% стран и появилось еще в конституциях VIII в. [1. С. 179].

Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд), давая толкование статьи 10 Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция), гарантирующей каждому «свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ», опирается на особую ценность этого права для развития демократии, подчеркивая, что свобода выражения мнения представляет одну из основных опор демократического общества и одно из основополагающих условий его развития, а также является важным условием реализации способностей и возможностей каждого человека¹.

Хотя страны-участницы Конвенции подтверждают свою приверженность заложенным в Конвенции ценностям, они зачастую критически относятся к попыткам Европейского Суда давать слишком широкое толкование заложенных в ней прав или даже конструировать на основе имеющихся в Конвенции прав новые. При этом исследователи тоже расходятся во мнениях по вопросу, не создает ли Европейский Суд права, которых на самом деле в тексте Конвенции нет? В то время, как одни обвиняют судей в излишне творческом, эволютивном, толковании, другие, наоборот, высказывают недовольство тем, что суд недостаточно активен в формировании универсальных подходов и, следовательно, не всегда эффективно защищает заявителей, которые ожидают, что он будет принимать решения в их пользу с учетом меняющихся исторических и экономических реалий, позволяющих предоставить человеку больше защиты, чем можно было ожидать полвека назад [2; 3; 4; 5].

Как верно отмечает Джордж Летсас, призывы к ограничению излишне креативного толкования положений Конвенции базируются на аргументах о легитимности и эффективности международного Суда, чьи полномочия должны целиком зависеть от воли стран-участниц Конвенции. Сторонники противоположного подхода, подстегиваемые заявителями, наоборот, призывают Европейский Суд толковать права в самом широком смысле — независимо от воли

¹ *Observer and Guardian v. the United Kingdom*. Application no. 13585/88. Judgment of 26 November 1991. Para 59 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57705>; *Busuioc v. Moldova*. Application no. 61513/00. Para 56. Judgment of 21 December 2004 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-67745>; *Handyside v. the United Kingdom*. Application no. 5493/72. Judgment of 7 December 1976. Para 49 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57499>; *Jersild v. Denmark*. Application no. 15890/89. Judgment of 23 September 1994, Para 37 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57891>; *Grinberg v. Russia*. Application no. 23472/03. Judgment of 21 July 2005. Para 23 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-69835>.

стран-участниц. Выработанные Европейским Судом «автономные концепции» наиболее ярко демонстрируют, по мнению Дж. Летсаса, что ряд прав Европейский Суд понимает «в неконвенциональном смысле», при этом «не требуется, чтобы эти права были теми же самыми, какими их принимают страны-участницы (или большинство из них); скорее, их основой является некий субстантивный моральный принцип, который их оправдывает и требует последовательного их применения» [6. С. 10]. И в самом деле, Европейский Суд предоставил заявителям по ряду дел гораздо больше гарантий защиты, чем в национальном законодательстве, в частности, когда признал за геями право на свободу собраний², за заключенными — право голосовать³, а за недееспособными лицами с психическими расстройствами — право вступать в брак⁴.

В основе его подходов по этим делам лежит моральный и юридический принцип равенства, который не позволяет, по мнению Европейского Суда, проводить различие между людьми на основании юридических незначимых признаков, таких как сексуальная ориентация, нахождение в местах лишения свободы или наличие психического заболевания, не оказывающего влияния на возможность вести семейную жизнь. При этом как раз в делах по свободе выражения мнения у национальных судов довольно большая свобода усмотрения (*margin of appreciation*), потому что Европейский Суд не ставит перед собой задачу сформулировать общую для всех стран-членов Совета Европы концепцию морали, особенно с учетом того, что взгляды Договаривающихся Государств на требования нравственности «меняются в зависимости от места и времени, особенно в современную эпоху», и «органы государственной власти в принципе находятся в лучшем положении, чем международный судья, чтобы судить о точном содержании этих требований»⁵ [7].

Следует отметить, тем не менее, что Европейский Суд, разрабатывая те или иные подходы к толкованию права на свободу выражения, иногда создает противоречащие друг другу концепции. Например, применительно к статье 10 Дж. Летсас обращает внимание на то, что, с одной стороны, Европейский Суд декларирует, что под защитой находятся не только те высказывания и идеи, которые «встречаются благоприятно или рассматриваются как безобидные либо

² *Bączkowski and Others v. Poland*. Application no. 1543/06. Judgment of 3 May 2007 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-80464>; *Alekseyev v. Russia*. Applications nos. 4916/07, 25924/08 and 14599/09. Judgment of 21 October 2010 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-101257>.

³ *Hirst v. the United Kingdom (no. 2)*. Application no. 74025/01. Judgment of 6 October 2005 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70442>; *Greens and M.T. v. the United Kingdom*. Applications nos. 60041/08 and 60054/08. Judgment of 23 November 2010 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-101853> и другие.

⁴ *Lashin v. Russia*. Application no. 33117/02. Judgment of 22 January 2013 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-116020>.

⁵ *Handyside v. the United Kingdom*. Application no. 5493/72. Judgment of 7 December 1976. Para 48 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57499>.

нейтральные, но также и такие, которые оскорбляют, шокируют или причиняют беспокойство»⁶, с другой стороны, последовательно проводит позицию, что право на свободу выражения мнения, в соответствии с частью 2 статьи 10, может быть ограничено для защиты публичной морали и защиты прав верующих, а следовательно, Конвенция включает право «не быть оскорбленным в своих религиозных чувствах при публичном выражении другими людьми своих взглядов» [6. С. 14]. «Совместима ли такая интерпретация, — задается вопросом Летсас, — с требованиями плюрализма, толерантности и широты взглядов, “без которых невозможно демократическое общество”? Как можно говорить, что у кого-то есть право оскорблять, шокировать или причинять беспокойство, если это право подчинено праву других не быть оскорбленными, шокированными или побеспокоенными? Или это значит, что у нас есть право шокировать и оскорблять других до тех пор, пока мы оскорбляем не слишком сильно или не оскорбляем слишком многих?» [6. С. 14].

В дополнение к рассуждениям Летсаса следует задаться еще одним вопросом: а в каком случае Европейский Суд конструирует новое право, выводя его — посредством толкования — из уже имеющегося в тексте статьи 10: когда он дает право шокировать и причинять беспокойство или когда выводит право не быть оскорбленным в своих религиозных чувствах, которое вдруг становится — опять же через толкование, данное Судом — частью статьи 9, гарантирующей право на свободу вероисповедания?

Применяемый Европейским Судом принцип пропорциональности и проведения баланса между конфликтующими правами лишь частично помогает ответить на этот вопрос, потому что, как показывает практика самого Европейского Суда, не всегда аргументы, приводимые Европейским Судом, действительно убедительно доказывают, почему в данном конкретном случае следовало принять именно такое, а не иное решение [8; 9].

Г. Вайпан, анализируя принцип пропорциональности при принятии судами решений, отмечает его постоянное колебание между правом и политикой [10], и предлагает рассматривать его лишь как часть процесса юридической аргументации: «Принцип пропорциональности допускает любое ограничение права, — пишет Г. Вайпан, — но он же — в силу логической взаимозависимости положенных в его основу методов — оставляет любое решение об ограничении права “недообоснованным”, открывая возможности для оспаривания такого решения и для возобновления диалога» [11. С. 50–51].

Таким образом, изучение как старых, так и новых подходов Европейского Суда к рассмотрению дел по статье 10 дает практикующему юристу лишь ориентир, но не ответ на вопрос, как в будущем будет рассмотрено конкретное де-

⁶ *Lingens v. Austria*. Application no. 9815/82. Judgment of 8 July 1986. Para 41 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57523>.

ло, но зато такое изучение помогает теоретику права глубже понять процесс принятия судами решений и процесс правового рассуждения в целом, в том числе прояснить ряд спорных концепций, возникающих в связи с толкованием права на выражение мнения в контексте тех ограничений, которые допустимы в демократическом обществе.

II. УСТОЯВШИЕСЯ ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ

Несмотря на расхождения в оценках исследователей по конкретным делам⁷, судебная практика Европейского Суда по правам человека о свободе выражения мнения в своей основной части может считаться хорошо сложившейся, а потому не вызывает особых разногласий, хотя и продолжает вызывать проблемы в правоприменении на национальном уровне. Так, Европейский Суд последовательно придерживается сформулированных ранее позиций, что свобода выражения мнения по смыслу статьи 10 гарантирована как физическому, так и юридическому лицу, и распространяется на все виды информации, независимо от формы, в которой она была выражена будь то в форме газетных статей, научных публикаций, легкой музыки, рекламы⁸, актов художественного творчества⁹. Она может находиться под защитой, даже когда носит критический характер, который может рассматриваться объектами критики как задевающими их честь и достоинство¹⁰. Европейский Суд последовательно встает на защиту журналистов и средств массовой информации, если речь идет о критике публичных фигур и проводимой ими политики, поэтому у президентов, губернаторов, депутатов, премьер-министров и значимых общественных деятелей, которые выигрывают в национальных судах иски о защите чести и достоинства, практически нет шансов рассчитывать на то, что Европейский Суд согласится с позицией национальных властей [12. С. 927–932].

Европейский Суд считает также, что в случае, когда диффамация направлена на какую-либо группу, у члена данной группы не возникает права подавать

⁷ См., например, дискуссию вокруг решения по делу *Delfi AS v. Estonia*. Guillmin G. Case Law, Strasbourg: Delfi AS v Estonia: Strasbourg Undermines Freedom of Expression // The International Forum for responsible media blog. Режим доступа: <https://inform.wordpress.com/2015/10/06/case-law-strasbourg-delfi-as-v-estonia-strasbourg-undermines-freedom-of-expression-gabrielle-guillemine/>; Woods L. The Delfi AS v Estonia judgment explained // London School of Economics and Political Science. Media Policy Project Blog. Режим доступа: <http://blogs.lse.ac.uk/mediapolicyproject/2015/06/16/the-delfi-as-vs-estonia-judgement-explained/>. Дата обращения: 30.01.2017.

⁸ См., например, *Casado Coca v. Spain*. Application no. 15450/89. Judgment of 24 February 1994 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57866>, в котором Европейский Суд признал, что реклама адвокатских услуг подпадает под сферу действия ст. 10.

⁹ См., например, *Müller and Others v. Switzerland*. Application no. 10737/84. Judgment of 24 May 1988, Para 27 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57487>.

¹⁰ См., например, дело *Frankowicz v. Poland*. Application no. 53025/99. Judgment of 16 December 2008 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-90248>, критика врачом своих коллег-медиков.

иски о защите чести и достоинства лишь на том основании, что, например, относя себя к «команде губернатора», кто-то посчитает, что лично его честь и достоинство пострадали от обвинений в том, что «команда губернатора» развалила экономику региона¹¹. Наконец, Европейский Суд признал за журналистами право на сохранение тайны об источниках полученной информации [12. С. 861–864]¹².

При этом Европейский Суд выясняет, относится ли заявленное нарушение к сфере действия статьи 10 (то есть было ли вмешательство), было ли оно основано на национальном законодательстве, преследовало ли одну из правомерных целей, указанных в ч. 2 статьи 10, и, наконец, было ли это вмешательство «необходимым в демократическом обществе». Тест на «необходимость в демократическом обществе», в свою очередь, требует, чтобы Суд определил, действительно ли «вмешательство» было вызвано «острой общественной потребностью», соответствовало ли преследуемой законной цели и были ли причины, указанные органами власти в его оправдание, уместными и достаточными.¹³ Далее, для выяснения, была ли «острая социальная потребность», во всех делах, не связанных с «языком вражды», Европейский Суд, анализируя конкретные обстоятельства дела, «будет принимать во внимание следующие элементы: позицию заявителя, позицию человека, против которого была направлена критика, предметное содержание публикации, характеристику, данную спорным высказываниям национальными судами, словесное выражение высказываний заявителя, а также наказание, которое было к нему применено»¹⁴.

В делах о «языке вражды» классический подход, сформулированный в деле «Йерсилд против Дании»,¹⁵ в котором Европейский Суд признал первостепенное значение автономии журналиста при подготовке репортажей по вопросам, вызывающим острые публичные дебаты, для функционирования демократии [13. С. 460–461], был в более поздней практике суда конкретизирован и, в определенной степени, претерпел изменения, поскольку самому содержанию высказываний Европейский Суд иногда стал придавать больше значения, чем контексту, в котором они были использованы¹⁶.

¹¹ См., например, постановление по делу *Dyuldin and Kislov v. Russia*. Application no. 25968/02. Judgment of 31 July 2007 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-82038>.

¹² *Voskuil v. the Netherlands*. Application no. 64752/01. Judgment of 22 November 2007 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-83413>; *Goodwin v. the United Kingdom*. Application no. 17488/90. Judgment of 27 March 1996 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57974> и др.

¹³ *The Sunday Times v. the United Kingdom* (no. 1). Application no. Judgment of 26 April 1979. Para 62 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57584>.

¹⁴ *Krasulya v. Russia*. Application no. 12365/03. Judgment of 22 February 2007. Para 35 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-79574>.

¹⁵ *Jersild v. Denmark*. Application no. 15890/89. Judgment of 23 September 1994 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57891>

¹⁶ См. об этом подробнее в разделе данной статьи про новые тенденции.

Из принятых за последнее десятилетие дел хорошо устоявшуюся практику Европейского Суда можно продемонстрировать на следующих примерах.

В деле «Андрушко против Российской Федерации»¹⁷ заявительница, депутат законодательного собрания Омской области, на основании решений российских судов была вынуждена выплатить компенсацию своему оппоненту на выборах по предъявленному им иску о защите чести и деловой репутации. Европейский Суд единогласно встал на ее защиту, поскольку высказывания политиков, особенно сделанные в пылу предвыборной агитации, пользуются повышенной защитой. Он нашел в данном деле нарушение статьи 10 Конвенции.

В деле «Пинту Коэлью против Португалии»¹⁸ Европейский Суд в очередной раз разобрал случай, связанный с наложением ограничений на свободу слова в целях обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия, являющегося законной целью по тексту части 2 статьи 10. По делу было найдено нарушение прав журналиста, осужденного за то, что он в прямом эфире показал ряд фотоснимков и продемонстрировал записи судебного процесса, сделанные без разрешения судьи.

Авторитет правосудия оказался в центре внимания и в деле «Перуцци против Италии»¹⁹, в котором Европейский Суд — в полном соответствии со своей сложившейся практикой — не нашел нарушения права на свободу выражения в том, что адвокат был привлечен к ответственности в виде штрафа за текст жалобы на судью, который он направил в Высший совет судей и в виде открытого письма другим судьям [14].

25 октября 2016 г. Европейский Суд принял постановление по делу «Ферлагсгруппе Ньюз Гмбх. против Австрии»²⁰, в котором в очередной раз ему пришлось решать вопросы о том, является ли банкир публичной фигурой для целей толкования статьи 10, если его имя упоминается газетой в контексте публикации о существенных потерях банка и недостатках в управлении, а также неполноте предоставления информации об активах и счетах надзирательному правлению, что привело к проведению расследования. Банкир жаловался на нарушение тайны его частной жизни, в связи с чем Европейский Суд стал анализировать дело по ранее установленной им стандартной схеме: а) вносит ли публикация вклад в дебаты по вопросу, представляющему общественный интерес, б) насколько известен герой публикации и в чем была ее основная цель, в) что известно о предыдущем поведении лица, упомянутого в публикации, г) из ка-

¹⁷ *Andrushko v. Russia*. Application no. 4260/04. Judgment of 14 October 2010 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100954>.

¹⁸ *Pinto Coelho v. Portugal* (no. 2). Application no. 48718/11. Judgment of 22 March 2016 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-161523>.

¹⁹ *Peruzzi v. Italy*. Application no. 39294/09. Judgment of 30 June 2015 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-155712>.

²⁰ *Verlagsgruppe News GmbH v. Austria*. Application no. 60818/10. Judgment of 25 October 2016 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-167799>.

ких источников была получена информация, д) каково содержание, форма и последствия публикации, е) насколько серьезны санкции, наложенные на газету. Европейский Суд оценивал также, могло ли издание в полной мере полагаться на официальный отчет о деле, была ли информация или ее часть уже распространена публично или перестала быть конфиденциальной. С учетом всех обстоятельств Европейский Суд пришел к заключению, что в отношении газеты была нарушена статья 10 Конвенции.

Дело «Карачонь и другие против Венгрии»²¹, рассмотренное в 2014 г., относится к категории дел по свободе выражения в парламенте и политической речи депутатов. Нарушение прав заявителя было найдено в том, что на него был наложен штраф за демонстрацию политических рекламных щитов в ходе голосования в парламенте.

В деле «Эон против Франции»²² Европейский Суд должен был оценить, находится ли под защитой статьи 10 фраза «Исчезни, придурок!», воспроизведенная на банере, с которым заявитель появился во время визита Президента Саркози в Лаваль. Слова на банере дословно воспроизводили слова самого Саркози, оброненные им в адрес одного назойливого журналиста, пытавшегося задать ему вопрос на сельскохозяйственной ярмарке. Фраза была широко растиражирована в СМИ, Интернете и участниками различных демонстраций.

Эон был немедленно арестован и привлечен к ответственности в виде штрафа 30 евро за оскорбление президента — преступление, предусмотренное Актом о свободе прессы 1881 г. Суд отметил, что несмотря на то, что фраза стала известной, она от этого не перестала быть оскорбительной. Заявитель в своей жалобе отмечал, что привлечение его к ответственности имело место на основании аналогичной нормы, ранее уже бывшей предметом рассмотрения Европейским Судом в деле «Коломбани и другие против Франции»²³ — там ответственность была наложена в соответствии с нормой закона об оскорблении глав иностранных держав. Правительство, в свою очередь, утверждало, что вмешательство было необходимым для защиты высшего лица государства от словесных и физических атак, которые посягают, среди прочего, на институты государства.

Европейский Суд не согласился с таким подходом и нашел нарушение права на свободу выражения. Свое решение он обосновал тем, что заявитель был политическим активистом и использовал фразу в политическом контексте. Хотя фраза и была оскорбительной, она носила характер политической критики главы государства, а не была атакой на его личное достоинство или вторжением в

²¹ *Karácsony and Others v. Hungary*. Application no. 42461/13. Judgment of 16 September 2014 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-146384>.

²² *Eon v. France*. Application no. 26118/10. Judgment of 14 March 2013 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-117137>.

²³ *Colombani and Others v. France*. Application no. 51279/99. Judgment of 25 June 2002 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-60532>.

частную жизнь. Европейский Суд напомнил, что в соответствии с Европейской Конвенцией у политической речи и политических дебатов практически нет ограничений, а пределы критики в отношении политиков существенно шире, чем при критике обычных лиц, потому что политики, выбирая карьеру, сознательно подставляют себя под контроль со стороны общества и СМИ.

Оценивая содержание банера, Европейский Суд принял во внимание, что текст уже получил распространение и общественное порицание и что использование слов самого Саркози имело сатирическую направленность. Сатира как способ художественного выражения связана с преувеличением и искажением реальности, ее цель — провоцировать и пробуждать эмоции. Привлечение к ответственности за сатиру означает запрет на ее использование в публичных дебатах, что не соответствует фундаментальным принципам демократии.

Отдельно следует отметить отличия дела Эона с упомянутым уже выше делом Коломбани, в котором Европейский Суд ранее нашел, что привлечение к ответственности за оскорбление главы иностранного государства противоречило Конвенции, поскольку национальное законодательство не позволяло в качестве защиты доказывать в суде, что утверждения соответствуют действительности. В деле Эона Европейский Суд отметил, что отсутствие у заявителя возможности защиты в суде через доказывание соответствия его утверждения действительности не имеет значения в данном споре, поскольку целью действий заявителя было именно оскорбление Президента. Суть позиции Европейского Суда, как он сам подчеркнул в постановлении, состоит в том, что у главы государства не может быть никакой особенной или специфической защиты по сравнению с другими лицами в том, что касается права на свободу выражения или распространения информации.

III. НОВЫЕ ТЕНДЕЦИИ

Вместе с тем наряду с хорошо установленной практикой появляются и новые категории дел либо определяются новые подходы.

3.1. Свобода выражения мнения и право на защиту частной жизни

Интересно следить за формированием практики по делам, в которых защита чести и достоинства в контексте ограничений, допускаемых статьей 10, стала рассматриваться как часть права на частную жизнь, гарантированную статьей 8 Конвенции²⁴.

²⁴ См., например, постановления: *Chauvy and Others v. France*. Application no. 64915/01. Judgment of 29 June 2004 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-6186>; *Cumpănă and Mazăre v. Romania*. Application no. 33348/96. Judgment of 17 December 2004 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-67816>; *Pfeifer v. Austria*. Application no. 12556/03. Judgment of 15 November 2007. Para 35 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-83294>; *Polanco Torres and Movilla Polanco v. Spain*. Application no. 34147/06. Judgment of 21 September 2010. Para. 40 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100510>.

В деле «Эрла Хлинсдоуттир против Исландии»²⁵ к ответственности за диффамацию была привлечена журналистка газеты *DV*, которая опубликовала историю о драке в стриптиз-клубе «Клубнички» между директором клуба А. и одним из посетителей, ранее у же привлекавшим внимание СМИ из-за склонности к насильственному поведению. Изначально к журналистке с просьбой написать статью обратился сам А., но она, как и положено по законам журналистской этики, взяла интервью также у второго участника драки и одного из ее свидетелей. В результате появилась статья «Битва королей стриптиза», основанная на материалах всех трех интервью. В статье излагались разные версии того, кто был инициатором драки и кто кого в результате побил, а также содержались ссылки на сообщения о связи клуба с литовской мафией, торговлей наркотиками и проституцией. Директору клуба, гражданину А., не понравилась версия событий, изложенная его оппонентами, и, считая ее слухами, порочащими его честь и достоинство, он обратился с иском о диффамации в суд, где и выиграл.

Правительство ссылалось в меморандуме на то, что владелец клуба вовсе не обязан толерантно относиться к утверждениям о связях с мафией, особенно в отсутствие каких-либо полицейских расследований на этот счет и претензий к нему со стороны органов власти: он в той же мере, что и любой другой гражданин, может рассчитывать на защиту частной жизни. Журналистка, в свою очередь, считала, что владелец ночного клуба А. является неоднозначной фигурой, имеющей столь же неоднозначные связи, а она как журналист пользуется большей свободой выражения, чем обычные граждане. Кроме того, независимость журналистов будет подорвана, если им придется отвечать за слова, сказанные другими во время интервью и приведенные в качестве цитат.

Анализируя жалобу журналистки, Европейский Суд напомнил основные принципы, которыми он руководствуется при рассмотрении дел по статье 10: наличие свободы усмотрения у национальных органов при определении необходимости наложения ограничений на свободу слова в демократическом обществе; допустимость распространения не только тех идей, которые воспринимаются благосклонно, но и тех, которые могут обидеть, шокировать или вызвать беспокойство у части публики; важность той функции, которую выполняет пресса в обществе. Он напомнил постановление Большой Палаты по делу «Издательство “Аксель Шпрингер АГ” против Германии»²⁶, в котором было отмечено, что право на защиту репутации является частью права на частную жизнь, охраняемого статьей 8 Конвенции, но для того, чтобы можно было говорить о чести и достоинстве в контексте статьи 8, необходимо, чтобы нападки на репу-

²⁵ *Erla Hlynisdóttir v. Iceland*. Application no. 43380/10. Judgment of 10 July 2012 // <https://www.legal-tools.org/doc/7d12ec/pdf/>.

²⁶ *Axel Springer AG v. Germany*. Application no. 39954/08. Judgment of 7 February 2012. Para 83 // doc.echr.coe.int/webservices/content/pdf/001-109034?...

тацию индивида достигли определенного уровня серьезности и были произведены в такой форме, которая позволяла бы говорить о вмешательстве в мирное осуществление права на уважение частной жизни. Слова «у него здесь литовская мафия» могли пониматься как намек на то, что в зале клуба присутствуют члены мафии, но не как утверждение о связи владельца клуба с «организованной международной преступностью».

Следовало бы учитывать также то, что в момент публикации в Исландии велись дебаты о том, стоит ли запретить стриптиз-клубы в принципе из-за их криминальных связей или достаточно установить на законодательном уровне строгие ограничения на их деятельность. Сами же по себе слова из интервью в силу их оценочного характера и расплывчатости нельзя признать наносящими ущерб чести и достоинству владельца клуба. Журналистка добросовестно исполнила свой долг, представив разные версии событий и дав высказаться обеим сторонам конфликта. В этом контексте следует считать, что ее право на свободу выражения было нарушено без достаточного обоснования.

Статья 8 в совокупности со статьей 10 возникает и тогда, когда свобода выражения мнения вступает в конфликт с защитой частной жизни, которую человек старается оградить от внимания посторонних.

Известные медийные лица, если они не выполняют каких-либо государственных функций, имеют право на защиту тайны частной жизни в той же мере, что и простые обыватели, в то время как политики должны быть более терпимы к тому, что их частная жизнь привлекает внимание избирателей.

В деле «Фон Ганновер (Принцесса Ганноверская) против Германии» Европейский Суд проанализировал взаимосвязь статей 8 и 10 Конвенции, указав, что необходим определенный баланс между свободой выражения мнения и защитой частной жизни²⁷. Заявительница, в качестве члена семьи князя Ренье III, возглавляла ряд гуманитарных и культурных фондов, а также представляла правящую семью на различных церемониях и мероприятиях, но при этом не выполняла каких-либо функций от имени государства Монако или его органов. Соответственно, публикация в бульварной прессе интимных фотографий нарушает ее право на защиту частной жизни и не может быть оправдана интересом публики к ее персоне.

В этом же ряду стоит и дело «Руусунен против Финляндии»²⁸. Заявитель — Сусан Руусунен, одинокая разведенная мать, — опубликовала книгу о своей любовной связи с Матти Ванханеном, который на момент публикации был премьер-министром Финляндии. В книге рассказывалась история, как начинался и разворачивался их роман, в том числе излагались подробности сексуальной жизни героев.

²⁷ *Von Hannover v. Germany*. Application no. 59320/00. Judgment of 24 June 2004. Para. 58 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-61853>.

²⁸ *Ruusunen v. Finland*. Application no. 73579/10. Judgment of 14 January 2014 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-139989>.

Генеральный прокурор Финляндии обратился в суд с иском к издателю книги, считая ее вторжением в частную жизнь премьер-министра. В соответствии с решением суда на издателя были наложены санкции, а автор обратилась в Европейский Суд.

Как и в предыдущих решениях, в данном случае Европейский Суд искал ответ на два вопроса: относилось ли содержание книги к вопросам, представляющим общественный интерес, и перевешивал ли общественный интерес, если он был, право премьер-министра на сохранение тайны частной жизни. В целом Суд пришел к выводу, что общественный интерес был — просто в силу того, что речь шла о высокопоставленном публичном лице, — но интерес публики к особенностям сексуальной жизни публичного лица не может перевешивать его право на защиту неприкосновенности частной жизни.

Вместе с тем следует отметить, что попытка использовать статью 8 для того, чтобы ограничить свободу прессы, не всегда бывает удачной. Так, Европейский Суд признал явно необоснованной жалобу заявительницы по делу «Йонина Бенедиктсдоттир против Исландии», которая считала, что ее право на частную жизнь было нарушено тем, что в прессе была опубликована ее личная переписка с бывшим коллегой, в которой он обсуждал вопросы многочисленных нарушений законодательства в крупной многонациональной корпорации. И национальные суды, и Европейский Суд провели баланс в пользу защиты общественного интереса — права граждан получать информацию, которая может пролить свет на расследование фактов, связанных с давлением на суд со стороны влиятельных лиц. Аналогичным образом в деле «Венгерский союз гражданских свобод (HCLU) против Венгрии» Европейский Суд отмел аргумент венгерских властей, что копия жалобы, поданной в Конституционный Суд одним из депутатов парламента, не может быть предоставлена по запросу общественной организации по причине того, что это являлось бы вмешательством в частную жизнь депутата.

Европейский Суд исходил из того, что было бы неверным выводить частную сферу депутата из его жалобы в Конституционный суд. «Если публичные фигуры смогут цензурировать прессу и публичные дебаты во имя защиты своих прав на защиту частной жизни, то это приведет к смерти свободы выражения», — отметил он далее в постановлении по делу²⁹.

Отдельный блок дел по статье 10 в контексте статьи 8 составляют дела, связанные с использованием новых информационных технологий³⁰. Хотя, как

²⁹ *Társaság a Szabadságjogokért v. Hungary*. Application no. 37374/05. Judgment of 14 April 2009. Para. 37 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-92171>.

³⁰ Подробнее см.: Интернет: прецедентная практика Европейского Суда по правам человека. Страсбург: Совет Европы /Европейский Суд по правам человека, 2011. Режим доступа: http://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_Internet_RUS.pdf. Дата обращения: 01.02.2017.

верно подметил А. Ефремов, «современное развитие Интернета и других новых информационных технологий в большей мере сопряжено с возможными нарушениями права на уважение личной и семейной жизни, “вторжением” в информационную безопасность и неприкосновенность личности», чем с ограничением права на свободу выражения мнения [15. С. 11], поток дел по статье 10, связанный с высказываниями в социальных сетях, комментариями под постами в Интернет-СМИ, сообщениями по мобильной связи постепенно увеличивается³¹. В этом контексте А. Ефремов прогнозирует, что «Европейский Суд будет все чаще применять нормы не только Конвенции о защите прав человека, но и Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 года» [15. С. 11]. Российская практика по таким делам так же набирает обороты, в связи с чем подходы Европейского Суда приобретают особую значимость [16. С. 23].

3.2. Право на свободу выражения во взаимосвязи с другими правами

Вызывают интерес и дела, в которых статья 10 выступает во взаимосвязи с какими-либо еще статьями Конвенции. Например, свобода слова тесно связана со свободой объединений и свободой мирных собраний. Показательным делом является «Каспаров и другие против Российской Федерации»³², в котором заявители жаловались на то, что власти препятствовали им в проведении публичного мероприятия в Москве в 2007 г. В этом деле Европейский Суд нашел нарушение не только статьи 10, но и статей 6 (право на справедливое судебное разбирательство) и 11 (свобода мирных собраний и ассоциаций).

В практике может возникнуть ситуация, когда статья 10 рассматривается в совокупности со статьей 14 о запрете дискриминации. В деле «Аксу против Турции»³³ вопрос о нарушении права на неприкосновенность личной жизни (статья 8) и запрета дискриминации (статья 14) возник в связи с тем, что в книгах и словарях, профинансированных из государственного бюджета, использовалось слово «цыган» вместо слова «рома». В конечном счете Суд не нашел нарушения, поскольку издания не носили антицыганского характера, но рекомендовал властям Турции впредь использовать нейтральный термин.

Когда речь идет о запрещенных формах выражения, таких как подстрекательство к насилию или разжигание ненависти, Европейский Суд привлекает статью 17 Конвенции, которая запрещает заниматься деятельностью, подрывающей гарантированные Конвенцией права. Как отметила еще Европейская Комиссия по правам человека в 1979 г. в решении по делу «Глимервеен и Хагенбеек против Нидер-

³¹ Там же.

³² *Kasparov and Others v. Russia*. Application no. 21613/07. Judgment of 3 October 2013 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-126541>

³³ *Aksu v. Turkey*. Application nos. 4149/04 and 41029/04. Judgment of 15 March 2012 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-109577>

ландов»³⁴, одобрение попыток воспользоваться статьей 10, чтобы получить право заниматься деятельностью, которая противоречит духу и букве Конвенции, привело бы к упразднению прав и свобод. Именно на основании статьи 17 жалоба заявителей, которые были осуждены за распространение листовок, призывающих изгнать всех «небелых» из Нидерландов, была признана неприемлемой.

Однако несмотря на растущее количество дел по экстремистской речи и разжиганию вражды, выработка какого-либо единого подхода затруднена тем, что Европейский Суд пока так и не дал своего определения термину «язык вражды», хотя и использует его в своих решениях. «Пожалуй, еще рано говорить о том, какую добавленную ценность или ясность внесло введение термина “язык вражды” в судебную практику Суда по статьям 10 и 17 — во всяком случае, в условиях отсутствия его собственной дефиниции этого термина», — пишет Тарлах Макгонигл [13. С. 465]. Он справедливо обращает внимание на то, что сам Европейский Суд использует это выражение в кавычках, что «может свидетельствовать о трудностях с концепцией языка вражды или, возможно, трудностью определения самого термина с такой ясностью, которая позволила бы применять его в прецедентной практике» [13. С. 464].

Трудности интеграции данного термина в судебную практику начались с самых первых дел по разжиганию вражды и ненависти, потому что к делам данной категории сначала пытались применять хорошо устоявшиеся ранее концепции, но потом столкнулись с тем, что это приведет к нежелательным результатам. Показательно рассуждение Европейского Суда в деле «Сюрек против Турции (no. 1)»: «...сам факт, что “информация” или “идеи” оскорбляют, шокируют или причиняют беспокойство», не оправдывает вмешательства в свободу выражения мнения, но «в настоящем деле предметом рассмотрения... является язык вражды и прославление ненависти»³⁵. Итак, в настоящий момент единственным рабочим определением может служить то, которое дано в Рекомендации Совета Министров Совета Европы 97 (20)³⁶: к языку вражды относятся «все формы выражения, которые распространяют, возбуждают, продвигают или оправдывают ненависть, основанную на нетерпимости (включая религиозную нетерпимость)». На эту Рекомендацию ссылается и Европейский Суд в ряде решений³⁷.

³⁴ *Glimmerveen and Hagenbeek v The Netherlands*. Application no. 8348/78 and 8406/78. Decision of 11 October 1979 // hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library...id...

³⁵ *Süreç v. Turkey (no. 1)*. Application no. 24122/94. Judgment of 8 July 1999. Para. 62 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58279>.

³⁶ Рекомендация NR (97) 20 Комитета министров Совета Европы государствам-участникам по вопросам «разжигания ненависти». Принята Комитетом Министров 30 октября 1997 г. на 607 заседании заместителей министров.

³⁷ См., например, постановления: *Gündüz v. Turkey*. Application no. 35071/97. Judgment of 4 December 2003. Para. 51 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-61522>; *Erbakan v. Turkey*. Application no. 59405/00. Judgment of 6 July 2006. Para. 56 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-76232>.

3.3. Толкование понятия «иные лица» в контексте защиты прав публичных органов власти

Еще одним вопросом развития практики Европейского Суда является толкование понятия «иные лица» в части 2 статьи 10, допускающей ограничение свободы выражения для «защиты репутации и прав других лиц». Включает ли оно в состав «лиц» организации или политические институты? До сих пор Европейский Суд отказывался прямо сформулировать правовую позицию, которая исключала бы политических деятелей, учреждения, государственные или публичные органы из этого понятия, однако во всех делах, где они фигурировали, он находил нарушение статьи 10, хотя и признавал наличие заявленной государствами правомерной цели. Так, в деле «Харламов против России»³⁸ заявитель, профессор кафедры физики Орловского государственного технического университета, жаловался на привлечение его к гражданско-правовой ответственности по иску университета о защите деловой репутации в связи с прозвучавшей из его уст критикой по поводу процедуры избрания ученого совета университета. Профессор утверждал, что поскольку не была соблюдена процедура выдвижения кандидатур от кафедр, ученый совет не является легитимным. Европейский Суд нашел нарушение, отметив, что защите достоинства институции не может придаваться значение, аналогичное охране достоинства личности.

В более раннем деле «Романенко и другие против Российской Федерации»³⁹ заявители не соглашались с тем, что публичные органы власти, в том числе управление Судебного департамента, охватываются понятием «другие лица». Они приводили примеры из судебной практики различных стран, в которых на уровне законодательства или правоприменения публичные власти лишены правовых оснований для обращения с иском о диффамации, поскольку власти должны быть открыты для свободной публичной критики. Европейский Суд принял во внимание доводы заявителя и Доклад Парламентской ассамблеи Совета Европы по исполнению обязанностей и обязательств Российской Федерацией, который также содержал указание на то, что «возможность подачи исковых заявлений против СМИ и журналистов органами публичной власти должна быть исключена, поскольку последние сами по себе не могут обладать такими качествами, как достоинство, честь или репутация»⁴⁰.

Однако признав, что «могут иметься серьезные политические основания для решения о том, что публичные органы не должны иметь права подавать иски о диффамации в своем собственном качестве», все же ушел от толкования

³⁸ *Kharlamov v. Russia*. Application no. 27447/07. Judgment of 8 October 2015 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-157532>.

³⁹ *Romanenko and Others v. Russia*. Application no. 11751/03. Judgment of 8 October 2009 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-94843>

⁴⁰ Там же. Para 25.

спорного положения, посчитав, что его задача состоит в том, чтобы исследовать лишь конкретную ситуацию заявителя, а не давать толкование нормам. Нарушение права на свободу выражения в результате было найдено, но фраза «защита прав и интересов других лиц» в данном случае условно была применена и к государственному органу тоже.

Тем не менее, следует ожидать развития прецедентной практики в этом вопросе, поскольку двое судей — Шпильманн и Малинверни — написали совместное совпадающее особое мнение, в котором отметили: «До начала рассмотрения вопроса о соразмерности вмешательства Европейский Суд должен убедиться, что вмешательство преследовало одну из законных целей, исчерпывающим образом перечисленных в пункте 2 статьи 10 Конвенции. Представляется, что большинство, хотя и косвенно, предположило в этом отношении, что применительно к органу публичной власти можно говорить о защите репутации или прав других лиц, что, по нашему мнению, немислимо. Действительно, структура статьи 10 Конвенции предполагает трехсторонние отношения с участием государства, которое осуществляет вмешательство, заявителя, который является жертвой вмешательства, и “других лиц”, чьи репутация или права могут или не могут быть защищены. Единственным “публичным органом”, предусмотренным исключениями в пункте 2 статьи 10 Конвенции, является “правосудие”, чьи авторитет или беспристрастие могут защищаться посредством вмешательства при условии, что такое вмешательство необходимо в демократическом обществе и соразмерно преследуемой цели.... [В] рамках необходимо строгого толкования Европейским Судом перечисленных законных целей неразумно включать публичные власти в понятие “других лиц”, репутацию и права которых призван защищать пункт 2 статьи 10 Конвенции. ... Европейскому Суду следовало ограничить свой вывод о наличии нарушения статьи 10 Конвенции отсутствием законной цели, не касаясь вопроса соразмерности»⁴¹.

3.4. Формирование позитивных обязательств государства по статье 10

Еще одним новым аспектом, который появляется в практике по статье 10, является постепенное движение Европейского Суда к тому, чтобы признать наличие позитивных обязательств по этой статье, от чего ранее Суд воздерживался. В частности, таким позитивным обязательством со стороны государства является удовлетворение запросов на информацию и предоставление сведений по общественно важным проблемам, имеющих в распоряжении государства.

Если в деле некоммерческой организации «Ассоциация матерей Южной Чехии»⁴² Европейский Суд признал, что право на получение информации от государства в принципе входит в сферу статьи 10, но не нашел нарушения в са-

⁴¹ Там же. См. особое мнение судей, абз. 2–5.

⁴² *Sdružení Jihočeské Matky v. the Czech Republic*. Application no. 19101/03. Judgment of 10 July 2006 // <http://hudoc.echr.coe.int/hudoc/default.asp>

мом деле из-за того, что НКО получила отказ, поскольку запрашивала техническую информацию о строительстве электростанции в таких деталях, которые могли бы раскрыть коммерческую тайну и при этом не были необходимы для защиты окружающей среды, то семь лет спустя в деле ««Молодежная инициатива за права человека» против Сербии»⁴³ он нашел нарушение статьи 10 в том, что государство отказалось предоставить некоммерческой организации ответ на запрос, сколько человек в 2005 г. стали объектом электронного слежения со стороны Сербского агентства по разведке. Заявители утверждали, что, не имея такой статистики, они не могут выполнять роль «общественного сторожевого пса», призванного следить, не нарушаются ли права человека. Европейский Суд обязал власти Сербии в трехмесячный срок предоставить заявителю затребованную информацию⁴⁴. Ранее в деле «Международная общественная организация защиты животных против Соединенного Королевства»⁴⁵ и в деле «Венгерский союз гражданских свобод (HCLU) против Венгрии»⁴⁶ Европейский Суд уже признал за НКО право распространять информацию и идеи, представляющие интерес для публики.

В деле HCLU он прямо выразил позицию, что общественным организациям гарантирована такая же защита, как и прессе, поскольку они тоже выполняют функцию «сторожевых псов» демократии и вносят существенный вклад в информирование общественности по вопросам, представляющим общественный интерес. Таким образом, дело HCLU стало первым, в котором в 2009 г. было четко сформулировано право на получение информации от государства. Европейский Суд написал, что хотя «трудно вывести из текста Конвенции общее право доступа к административным данным и документам», его судебная практика постепенно движется «в сторону признания права на доступ к информации»⁴⁷.

Следует отметить сложности, с которыми при таком подходе может столкнуться правоприменитель — на них указывал в свое время Микеле де Сальвиа, когда писал: «Осуществление свободы информации включает в себя... два аспекта: *право информировать*, которым пользуется журналист, и *право получать информацию*, которым пользуется общество. Очевидно, однако, что возможность пользоваться этим вторым правом необходимо понимать расширенно, поэтому нелегко определить, кто конкретно, при каких условиях может восполь-

⁴³ *Youth Initiative for Human Rights v. Serbia*. Application no. 48135/06. Judgment of 25 June 2013 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-120955>.

⁴⁴ Судьи Шайо и Вучинич в особом мнении выразили позицию, что право на запрос и получение информации должно быть распространено в том числе и на всех граждан, а не только на прессу и НКО.

⁴⁵ *Animal Defenders International v. the United Kingdom*. Application no. 48876/08. Judgment of 22 April 2013. Para. 112 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-119244>.

⁴⁶ *Társaság a Szabadságjogokért v. Hungary*. Application no. 37374/05. Judgment of 14 April 2009. Para. 27-28 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-92171>.

⁴⁷ Там же. Para. 35.

зоваться коллективным правом, у которого есть скрытый индивидуальный компонент» [17. С. 238].

Новым позитивным обязательством государств по статье 10 является также необходимость принятия надлежащей нормативно-правовой базы, которая должна обеспечить для журналистов эффективную защиту права на свободу выражения мнения в Интернете. В деле «Редакция газеты “Правое дело” и Штекель против Украины»⁴⁸ заявители были привлечены к ответственности за перепечатку явно диффамационного текста из Интернета. Украинское законодательство на законодательном уровне предоставляло защиту журналистам в случае воспроизведения ими информации из печатных СМИ, но не распространяло эти гарантии на перепечатку из Интернета. Европейский Суд нашел в этом нарушение статьи 10.

В деле «Centro Europa 7 S.R.L. и Ди Стефано против Италии»⁴⁹ радиоккомпания жаловалась на то, что, получив лицензию на вещание, не смогла получить для него частоты, что сделало лицензию бессмысленной. Найдя нарушение ее прав, Европейский Суд, по сути, вывел еще одно позитивное обязательство государств по статье 10 — обеспечить эффективный плюрализм в аудиовизуальном секторе.

Изучая развитие практики по отдельным аспектам применения статьи 10, следует подробнее остановиться на уже упоминавшемся выше постановлении по делу «Международная общественная организация защиты животных против Соединенного Королевства», поскольку оно иллюстрирует подход Европейского Суда к регулированию политической рекламы.

НКО-заявитель решила разместить на телевидении ролик в защиту приматов, требуя наложить запрет на их содержание в неволе и использование в коммерческих, научных или развлекательных целях.

Ролик должен был получить одобрение специального органа, который проверяет рекламу на соответствие законодательным требованиям, но одобрение не было выдано, поскольку цели рекламного материала были расценены им как носящие «целиком или в значительной части политический характер», в то время как платная политическая реклама на телевидении в Великобритании полностью запрещена. В результате ролик появился только в Интернете.

Заявители обжаловали на национальном уровне те положения английского законодательства, которые накладывали ограничения на политическую рекламу, поскольку считали их противоречащими положениям британского Акта о правах человека, а также утверждали, что в любом случае нормы законодательства о политической рекламе не должны были к ним применяться, поскольку размещение ролика планировалось не в период ведения предвыборной агитации

⁴⁸ *Editorial Board of Pravoye Delo And Shtekel V. Ukraine*. Application no. 33014/05. Judgment of 5 May 2011 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-104685>.

⁴⁹ *Centro Europa 7 S.R.L. and Di Stefano v. Italy*. Application no. 38433/09. Judgment of 7 June 2012. Para. 134 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-111399>.

и любые ограничения, не связанные с периодом выборов, вообще не должны иметь места. Государство, в свою очередь, подготовило возражения, в которых настаивало, что политическая реклама несовместима с принципом нейтральности и беспристрастности телерадиовещания. Оно также приводило анализ законодательства других стран, в частности Ирландии, Дании, Швеции и Норвегии, в которых политическая предвыборная реклама на платной основе разрешена, и старалось продемонстрировать, что в этих странах существуют серьезные проблемы с правоприменением, так как в них не удалось гарантировать равный доступ всех партий к телевидению или устранить неясности в толковании того, что следует считать «политической рекламой».

Когда дело защитников животных дошло до Европейского Суда, последний напомнил, что в 1998 г. в деле «Боуман против Соединенного Королевства»⁵⁰ он уже сформулировал свою позицию, в соответствии с которой законодательное регулирование публичных дебатов может быть необходимым, поскольку они оказывают влияние на исход свободных выборов. Он также отметил, что решение по делу Боумана не может рассматриваться как относящееся строго к периоду предвыборной кампании, поскольку демократический процесс — явление непрекращающееся. Страны в рамках предоставленной им свободы усмотрения могут выбирать свой вариант правового регулирования политической рекламы с целью избежать доминирования мощных финансовых групп, у которых больше возможностей доступа к влиятельным медиа.

Отвечая на аргумент заявителей, что государственное регулирование радио и телевидения утратило смысл, поскольку появились СМИ нового поколения, такие как Интернет, Европейский Суд указал на «существенное различие, основанное на особой влиятельности теле- и радиовещания», в частности, связанное с тем, что они являются более привычным для обывателя источником развлечения в домашней обстановке. Кроме того, Интернет и социальные сети не имеют такой синхронности и силы воздействия, как обычные СМИ. Наконец, рекламное время в них стоит так дорого, что большинство НКО, которые бы захотели поучаствовать в политических дебатах, если бы таковые были разрешены на платной основе, просто не смогли бы себе этого позволить из-за отсутствия необходимых средств.

Европейский Суд согласился также с позицией правительства Великобритании в том, что установление изъятий из общего правила либо для НКО и групп социальных активистов, либо для всей рекламы в целом не в период предвыборной кампании могли привести к произволу и манипуляциям: финансовые группировки стали бы искусственно создавать большое количество общественных групп, аккумулируя эфирное время для продвижения своих интересов в обход законодательства о запрете политической рекламы.

⁵⁰ *Bowman v. The United Kingdom*. Application no. 24839/94. Judgment of 19 February 1998 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58134>.

В итоге, учитывая отсутствие консенсуса среди европейских стран в вопросе о том, как именно следует регулировать политическую рекламу, допускать ли ее на платной основе и какие меры следует предпринимать для обеспечения равенства участников избирательного процесса в доступе к эфиру, Европейский Суд посчитал, что нарушения прав заявителей в данном деле не было и Великобритания не переступила порог отведенной ей свободы усмотрения.

В то же время, наряду с конструированием новых прав, Европейский Суд стал проявлять в своей практике по статье 10 все больше тенденций к ограничительному толкованию, на что обращают внимание исследователи и практикующие медиа-юристы [18]. Так, Дирк Воорхооф пишет в аналитическом отчете: «В последние годы в подходе Европейского Суда намечаются ограничительные тенденции, особенно в ряде постановлений Большой Палаты. Результаты рассмотрения дел и аргументация в ряде постановлений, в которых Суд не нашел нарушения права на свободу выражения, поднимают вопросы, касающиеся (будущего) уровня защиты свободы прессы в Европе по сравнению с “традиционными” высокими стандартами страсбургской судебной практики по данной категории. Те же самые вопросы отражены в особых мнениях, приложенных к некоторым недавним постановлениям, в которых не было найдено нарушение статьи 10»⁵¹.

К этим постановлениям можно отнести решение Большой Палаты по делу «Линдон, Отчаковски-Лорэн и Жюли против Франции»⁵², «Штоль против Швейцарии»⁵³, «Фере против Бельгии»⁵⁴, «Паломо Санчез а.о. против Испании»⁵⁵, «Виллем против Франции»⁵⁶ и ряд других, принятых за последние 10 лет⁵⁷.

⁵¹ Voorhoof D. The Right to Freedom of Expression and Information under the European Human Rights System: Towards a more Transparent Democratic Society // Robert Schuman Centre for Advanced Studies Centre for Media Pluralism and Media Freedom. EUI Working Paper RSCAS 2014/12. P. 4. Режим доступа: http://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/29871/RSCAS_2014_12.pdf. Дата обращения: 1.02.2017.

⁵² *Lindon, Otchakovsky-Laurens and July v France*. Application nos. 21279/02 and 36448/02. Judgment of 22 October 2007 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-82846>

⁵³ *Stoll v. Switzerland*. Application no. 69698/01. Judgment of 10 December 2007 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-83870>

⁵⁴ *Féret v. Belgique*. Application no. 15615/07. Judgment of 16 July 2009 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-93626>

⁵⁵ *Palomo Sánchez and others v. Spain*. Application nos. 28955/06, 28957/06, 28959/06 and 28964/06. Judgment of 12 September 2011 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-106178>

⁵⁶ *Willem v. France*. Application no. 10883/05. Judgment of 16 July 2009 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-93612>

⁵⁷ См., например, постановления по делам: *Flux v Moldova (no 6)*. Application no. 22824/04. Judgment of 29 July 2008 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-88063>; *Saygili and Falakaoglu v. Turkey (no 2)*. Application no. 38991/02. Judgment of 24 February 2009 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-91357>; *Žugić v Croatia*. Application no. 3699/08. Judgment of 31 May 2011 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-104933>; *Trade Union of the Police in the Slovak Republic and Others v Slovakia*. Application no. 11828/08. Judgment of 25 September 2012 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-113335>; *Nenkova-Lalova v Bulgaria*. Application no. 35745/05. Judgment of 11 December 2012 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-115211> и др. Во всех этих делах были особые мнения судей, выразивших несогласие с отходом от хорошо устоявшейся ранее практики Европейского Суда.

С этой точки зрения показательным является дело «Лендон, Отчаковски-Лоран и Жюли против Франции». Заявители — писатель, глава издательства и директор издательского отдела — были привлечены по законодательству о диффамации за публикацию романа «Суд над Жаном-Мари Ле Пеном», основой для которого стал прошедший судебный процесс над сторонниками его партии, хладнокровно убившими выходца из Северной Африки по мотивам расовой ненависти. В романе поднимался вопрос об ответственности председателя партии «Национальный Фронт» за преступления, совершенные ее активистами.

В результате рассмотрения уголовного дела, инициированного партией и Ле Пеном, заявители были приговорены к штрафам и компенсации морального вреда. В основу обвинения были положены несколько фраз из книги, высказанные вымышленными героями романа, в частности, что Ле Пен возглавлял «банду убийц», что «Национальный Фронт» применял насилие ко всем, кто пытался покинуть ряды партии, что высказывания самого Ле Пена находились в спектре тех, что возвращают к самым худшим злодеяниям из истории человечества, и, наконец, что он — «вампир», который питается «горечью своих избирателей» как «кровью своих врагов», и вдобавок является лжецом, клеветущим на своих оппонентов, чтобы защитить себя от обвинений в свой адрес.

Европейский Суд согласился с национальными властями Франции, что заявители не доказали соответствия высказываний действительности, хотя и отметил тот факт, что Ле Пен является политиком и в силу этого должен испытывать терпимость к нападкам прессы, а также то, что следует проводить различие между оценкой, мнением и утверждением о фактах.

В принципе, сказал Европейский Суд, различие между оценочными высказываниями и реальными фактами можно не проводить в случае, когда речь идет о художественной литературе, но в книге воспроизводились реальные персонажи, а поэтому вышеприведенные высказывания надо рассматривать не как оценочные суждения, а как утверждения о фактах. Кроме того, заявители были приговорены лишь к незначительным штрафам, а такое наказание нельзя считать непропорциональным. Соответственно, по мнению Европейского Суда, нарушение статьи 10 не было, поскольку национальные суды обоснованно встали на защиту чести и достоинства Ле Пена и «Национального Фронта».

Трое судей — Ф. Тюлькенс, Н. Братца и Я. Шикута — не согласились с этой аргументацией и написали совместное особое мнение, в котором подчеркнули, что оспариваемые фразы опубликованы в романе, а акты художественного творчества оказывают гораздо меньшее воздействие на аудиторию, чем публикации в прессе. Речь в книге идет об экстремистских взглядах политика, и непонятно, почему хорошо устоявшийся тест о проведении различия между оценкой и фактами не должен применяться к данному роману лишь на том лишь основании, что в нем выведены реальные персонажи. Они также не согласились с тем, что оспариваемые фразы из романа содержали призывы к насилию или ненависти, поскольку фразы из художественного произведения нельзя

воспринимать буквально. В целом, постановление по данному делу, по их мнению, «представляет собой явный отход от нашего прецедентного права, которое придает особое значение роли произведения искусства в политической дискуссии».

В деле «Штоль против Швейцарии» Европейский Суд не встал на позицию заявителя-журналиста, который был привлечен к уплате штрафа за обнародование в прессе конфиденциального доклада швейцарского посла в США по вопросам урегулирования со швейцарскими банками вопроса о выплате компенсации жертвам Холокоста за неистребованные средства, размещенные в швейцарских банках. Баланс был проведен в пользу защиты конфиденциальности дипломатической коммуникации.

Судья В. Загребельский, к которому присоединились судьи П. Лоренсен, З. Фура-Сандстрём, Р. Йегер и Д. Попович, в особом мнении назвал такое решение «опасным и необоснованным отходом от устоявшейся практики Суда относительно характера и чрезвычайной важности свободы выражения мнения в демократическом обществе».

Еще один пример отхода от ранее сложившейся практики — дело Фере.

Заявитель, депутат парламента и председатель политической партии «Национальный фронт» (что, с учетом устоявшейся практики Европейского Суда, относит говорящего в политическим деятелям, а его выступления — к политической речи, которая пользуется повышенной защитой в свете статьи 10), во время предвыборной компании (что также всегда повышало защиту свободы выражения) в своих лифлетах распространял призывы «Восстаньте против исламизации Бельгии!», «Прекратите постыдную политику интеграции!» и «Отправьте домой соискателей рабочих мест не-европейцев!». Он был осужден за призывы к расовой дискриминации и лишен возможности занимать какие-либо должности в парламенте сроком на 10 лет.

Европейский Суд не посчитал, что его право на свободу выражения мнения было нарушено, поскольку его высказывания возбуждали чувства предубеждения, недоверия и даже ненависти против иностранцев, а ограничение его права распространять свои взгляды имело целью защиту предотвращения беспорядков и защиту прав членов иммигрантского сообщества.

Судьи Андраш Шайо, Густаво Загребельски и Нона Цоцория выступили с особым мнением, тщательно проанализировав среди прочего отношение между политическими инвективами, прозвучавшими в пылу предвыборных дебатов, и расистскими высказываниями, и высказали позицию, что в данном случае следовало признать нарушение статьи 10. Как и данные судьи, исследователь из Амстердама Тарлах Макгонигл отметил «спекулятивный характер связи между оспариваемыми высказываниями и тем вредом, который они могли вызвать» [13. С. 465]. Для полноценного анализа Европейский Суд должен был, как это устоялось в доктрине, связанной с изучением «языка вражды», установить

намерение говорящего, контекст речи и наличие реальной вероятности причинения вреда спорным высказыванием [19. С. 246].

Наиболее оживленные дебаты, однако, вызвало дело «Делфи против Эстонии»⁵⁸, рассмотренное Большой Палатой. Суть решения состоит в том, что большинство судей не нашли нарушения в том, что власти Эстонии наложили ответственность на новостной портал за комментарии третьей стороны, в которых содержались дискриминационные высказывания.

Отдавая дань необходимости бороться с экстремистской речью, оскорблениями и диффамацией в сети Интернет, все же следует поделить соображениями, которые мешают до конца понять логику судей. Во-первых, Большая Палата ограничилась анализом того, несет ли ответственность именно новостной портал, оставив открытыми вопрос об ответственности других интернет-платформ, распространяющих информацию. На данный момент интернет-порталы оказались в более сложном положении, чем, например, социальные сети или Ю-Тьюб, потому что обязанности модерировать комментарии пользователей возложили только на порталы. Во-вторых, Европейский Суд — применительно к комментариям пользователей — не провел в данном случае различия между диффамационными высказываниями, языком вражды и другим незаконным контентом, а также не принял во внимание то, что для анализа контента может потребоваться проведение лингвистической экспертизы, что невозможно сделать при модерировании. При этом национальные суды Эстонии, поддержанные Европейским Судом, требовали удалять контент немедленно, без уведомления об этом автора комментария. Наконец, Европейский Суд не стал анализировать позицию эстонских судов, которые приравнивали интернет-портал к «издателю», в то время как заявитель требовал рассматривать свой ресурс лишь как «посредника» в передаче информации. Позиция Европейского Суда по поводу того, следует ли считать новостные интернет-платформы «издателями», осталась не вполне ясной.

К данному решению приложено обстоятельное 18-страничное особое мнение судей А. Шайо и Н. Цоцория, которые высказали «неудовлетворенность вызывающим тревогу отходом от преобладающего понимания прецедентной практики в постановлении по настоящему делу»⁵⁹. Обеспокоенность этих судей вызвало то, что Европейский Суд практически одобрил введение цензуры. Они отметили, что «государства не всегда осуществляют цензуру напрямую, но, оказывая давление на тех, кто контролирует технологическую инфраструктуру (интернет-провайдеров и т.п.), и привлекая их к ответственности, они создают

⁵⁸ *Delfi AS v. Estonia*. Application no. 64569/09. Judgment of 16 June 2015 // <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-155105>.

⁵⁹ Там же. Особое мнение судей А. Шайо и Н. Цоцория. Para. 1.

ситуацию, в которой субъектом цензуры неизбежно становятся частные лица»⁶⁰. При этом они ссылаются на профессора Дж. Балкина, который писал о том, что подмена субъекта цензуры «имеет место, когда государство привлекает в ответственности одно частное лицо (А.) за высказывания другого частного лица (Б.), при этом у А. есть возможность блокировать высказывания Б., подвергать их цензуре или контролировать доступ к ним каким-либо иным образом» [20. С. 2309].

Интересно и общее рассуждение А. Шайо и Н. Цоцория о природе Интернета. Они сожалеют, что в решении по делу «Делфи» Интернет назван «беспрецедентным средством», которое представляет «определенные опасности», тогда как его преимущества едва упомянуты. «Интернет — это нечто большее, чем новшество, несущее в себе одни лишь опасности. Это место оживленного обсуждения обществом новых возможностей для продвижения демократии. Комментарии являются важнейшим элементом этого нового расширенного обмена идеями между гражданами», — утверждают судьи. Остается вместе с ними надеяться, что «это дело не открывает (а также не подтверждает и не форсирует) новую главу замалчивания и что оно не приведет к ограничению потенциала СМИ нового типа по укреплению демократии»⁶¹.

IV. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, можно отметить, что практика Европейского Суда по статье 10 развивается в том же русле, что и практика по другим статьям Конвенции — волнообразно. Вместе с приданием расширительного толкования ряду фраз и терминов из текста статьи, что позволяет исследователям говорить даже о конструировании новых прав, выходящих за пределы буквального значения текста положений Конвенции, намечается и «откат» от ряда старых, хорошо устоявшихся концепций в свете новых реалий. Развитие практики по свободе выражения мнения подтверждает слова исследователя Драголюб Попова о том, что за свою долгую историю Европейскому Суду «удалось достигнуть значительной степени креативности в своей правоприменительной практике», при этом «методы, которые он применял в своей юриспруденции, имели две цели: развитие положений Конвенции и наполнение этих положений дыханием жизни. Достигая их, Суд использовал как судебный активизм, так и самоограничение. В каждом конкретном случае выбор Суда зависел от различных обстоятельств, приводивших его к решению. Однако эти два основных подхода в определенной степени параллельны» [3. С. 396]. Толкуя в каждом новом деле положения статьи 10 о свободе выражения мнения и допустимых ограничениях, Европей-

⁶⁰ Там же. Para. 2.

⁶¹ Там же. «Дополнение».

ский Суд старается сочетать креативный подход (как, например, в делах о праве граждан на запрос общественно значимой информации, имеющейся в распоряжении государства) с ограничительным подходом (как, например, в делах о свободе художественного творчества или защите частной жизни политиков). Баланс между конфликтующими общественными и частными интересами может проводиться по-разному в зависимости от конкретных обстоятельств дела и мировоззрения судей, которые рассматривают дело.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Дженис М., Кэй Р., Брэдли Э.* Европейское право в области прав человека (Практика и комментарии). М.: Издательство «Права человека», 1997. 640 с.
- [2] *Mahoney P.* Judicial Activism and Judicial Self-Restraint in the European Court of Human Rights: two sides of the same coin // *Human Rights Law Journal*. 1990. Vol. 11. N 1–2. P. 57–88.
- [3] *Popovic D.* Prevailing of judicial activism over self-restraint in the jurisprudence of the European Court of human rights // *Creighton Law Review*. 2009. Vol. 42. P. 361–396.
- [4] *Marochini M.* The interpretation of the European Convention Human Rights // *Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu*. 2014. God. 51. N 1. 63–84.
- [5] *Orakelashvili A.* Restrictive Interpretation of Human Rights Treaties in the Recent Jurisprudence of the European Court of Human Rights // *European Journal of International Law*. 2003. Vol. 14. N 3. P. 529–568.
- [6] *Letsas G.* A Theory of Interpretation of the European Convention on Human Rights. New York: Oxford University Press Inc, 2007. 137 p.
- [7] *Legg A.* The Margin of Appreciation in International Human Rights Law: Deference and Proportionality. Oxford: Oxford University Press, 2012. xxv, 232 p.
- [8] *Arai-Takahashi Y.* The Margin of Appreciation Doctrine and The Principle of Proportionality in the Jurisprudence of the ECHR. Antwerpen: Intersentia, 2002. 300 p.
- [9] *Chrisoffersen J.* Fair Balance: A Study of Proportionality, Subsidiarity and Primarity in the European Convention on Human Rights. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff publishers, 2009. 663 p.
- [10] *Вайнан Г.* Концепция пропорциональности в современном международном праве: малое зло ради великого блага // *Международное правосудие*. 2015. № 2(14). С. 66–84.
- [11] *Вайнан Г.В.* Принцип пропорциональности и аргументация в сфере ограничений прав человека: от Р. Алекси к Р. Дворкину и обратно // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2015. № 3. С. 37–54.
- [12] *Харрис Д., О’Бойл М., Бэйтс Э., Бакли К.* Право Европейской конвенции по правам человека. М.: Развитие правовых систем, 2016. 1432 с.
- [13] *McGonagle T.* A Survey and Critical Analysis of Council of Europe Strategies for Countering “Hate Speech” // Herz M., Molnar P., editors. *The Content and Context of Hate Speech*. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2012. P. 456–498.
- [14] *Соболева А.К.* «Авторитет и беспристрастность судебной власти» в толковании Европейского Суда: СМИ и интересы правосудия // *Прецедентная практика Европейского Суда по правам человека*. 2016. № 4 (28). С. 3–18.
- [15] *Ефремов А.* Новые информационные технологии в практике Европейского Суда по правам человека // *Прецеденты Европейского Суда по правам человека*. 2016. № 6 (30). С. 10–15.

- [16] Цена слова: новые грани диффамации / под ред. Г.Ю. Араповой. Воронеж: ООО фирма «Элист». 2013. 112 с.
- [17] Сальвиа М. де. Европейская конвенция по правам человека. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 2004. 267 с.
- [18] Fathaigh R.Ó., Voorhoof D. The European Court of Human Rights, Media Freedom and Democracy // Price M., Verhulst S., Morgan L., editors. Routledge Handbook of Media Law. London: Routledge, 2012. P. 107–124.
- [19] Rosenfeld M. Hate Speech in Constitutional Jurisprudence. A Comparative Analysis // Herz M., Molnar P., editors. The Content and the Context of Hate Speech. New York: Cambridge University Press, 2012. P. 242–289.
- [20] Balkin J.M. Old-School/New-School Speech Regulation // Harvard Law Review. 2014. Vol. 127. P. 2296–2311.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Соболева Ани́та Карловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории права Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Контактная информация:

e-mail: asoboleva@hse.ru

**FREEDOM OF EXPRESSION IN THE CASE LAW
OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS:
OLD APPROACHES AND NEW TENDENCIES
IN INTERPRETATION OF ARTICLE 10 OF THE ECHR**

A.K. Soboleva

National Research University Higher School of Economics
Faculty of Law
3, B. Tryokhsvyatitsky Pereulok, Moscow, Russia, 109028

The article is devoted to the analysis of the European Court of Human Rights decisions on Art. 10 of the European Convention of the last decade. This research is dictated by the needs of the judicial practice on freedom of expression as well as by the needs of legal theory to clarify concepts and legal doctrines underlying the process of judicial decision-making. The objective of the research is to analyze the changes in the approaches of the European Court to adjudication of freedom of expression cases and to identify the appearance of new tendencies, which would affect the resolution of disputes in this area in future. The author stresses that the European Court along with the use of the well-established approaches and concepts sometimes deviates from them, especially when it deals with new circumstances and realities. In addition, it continues to create new concepts and elaborate new approaches, which would either broaden the previous understanding of what can be covered by Art. 10, or restrict it. Special attention is paid to the formation of positive obligations of the state under Art. 10, to cases on political speech, hate speech, protection of confidential information, duties of the Internet news portals and to cases which involve Art. 10 in conjunction with other articles of the Convention. The author argues that the case law of the European Court on freedom of expression has been developed in the same way as its practice on other articles of the Convention — while in some cases the Court acted more creative and even constructed new rights under the umbrella of the right to receive information (such as the right

of NGOs to have access the state-owned information and the obligation of the state to submit it on their request), in other cases it acted self-restrictively (like in cases, involving protection of personal life of politicians, responsibility of Internet platforms for the content, publication of confidential information by journalists, defamation of politicians in fiction, etc.) The balancing exercise between conflicting rights may be made by the Court differently depending on circumstances of the case and the views of the judges who consider the case, that is why the analysis of the dissenting opinions acquires particular importance for the researchers.

Key words: ECHR; European Court of Human Rights; interpretation of the ECHR; European protection of freedom of expression; access to information; case law of the ECtHR; positive obligations of the state; protection of dignity and honour; new developments in ECtHR court practice; private life of politicians; evolutive interpretation; restrictive interpretation of the Convention

REFERENCES

- [1] Janis MW, Kay RS, Bradley AW. *European Human Rights Law: Text and Materials*. Oxford: Clarendon Press; 1995. XXXVI, 516 p. [Russ. ed. Janis MW, Kay RS, Bradley AW. *Evropeiskoe pravo v oblasti prav cheloveka (Praktika i kommentarii)*. Moscow: “Prava cheloveka” Publ.; 1997. 640 p.]
- [2] Mahoney P. Judicial Activism and Judicial Self-Restraint in the European Court of Human Rights: two sides of the same coin. *Human Rights Law Journal*. 1990;11(1–2):57–88.
- [3] Popovic D. Prevailing of judicial activism over self-restraint in the jurisprudence of the European Court of human rights. *Creighton Law Review*. 2009;42:361–396.
- [4] Marochini M. The interpretation of the European Convention Human Rights. *Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu* [Split Faculty of Law Journal], 2014;51(1):63–84.
- [5] Orakelashvili A. Restrictive Interpretation of Human Rights Treaties in the Recent Jurisprudence of the European Court of Human Rights. *European Journal of International Law*. 2003;14(3): 529–568. doi: 10.1093/ejil/14.3.529
- [6] Letsas G. *A Theory of Interpretation of the European Convention on Human Rights*. New York: Oxford University Press Inc; 2007. 137 p. doi: 10.1093/acprof:oso/9780199203437.001.0001
- [7] Legg A. *The Margin of Appreciation in International Human Rights Law: Deference and Proportionality*. Oxford: Oxford University Press; 2012. xxv + 232 p. doi: 10.1093/acprof:oso/9780199650453.001.0001
- [8] Arai-Takahashi Y. *The Margin of Appreciation Doctrine and The Principle of Proportionality in the Jurisprudence of the ECHR*. Antwerpen: Intersentia; 2002. 300 p.
- [9] Chrisoffersen J. Fair Balance: A Study of Proportionality, Subsidiarity and Primarity in the European Convention on Human Rights. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff publishers; 2009. 663 p. doi: 10.1163/ej.9789004170285.i-670
- [10] Vaipan G. “To Do a Great Right, Do a Little Wrong”: The Concept of Proportionality in Contemporary International Law. *Meždunarodnoe pravosudie (International Justice) Journal*. 2015;(2(14)):66–84. (In Russian)
- [11] Vaipan GV. The Principle of Proportionality and Arguments About Human Rights Limitations: From Alexy to Dworkin and Back. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie» (the Comparative Constitutional Review) Journal*. 2015;(3):37–54. (In Russian)
- [12] Harris DJ, O’Boyle M. *Law of the European Convention on Human Rights*. Bates E, Buckley C, editors. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press; 2014. lxxv, 1006. [Russ. ed. Harris DJ, O’Boyle M, Bates E, Buckley C. *Pravo Evropeiskoi konvencsii po pravam cheloveka*. Moscow: Razvitiye prevovoykh system; 2016. 1432 p.]

- [13] McGonagle T. *A Survey and Critical Analysis of Council of Europe Strategies for Countering “Hate Speech”*. In: Herz M, Molnar P, editors. *The Content and Context of Hate Speech*. Cambridge, New York: Cambridge University Press; 2012. 456–498. doi: 10.1017/cbo9781139042871.031
- [14] Soboleva A. “Authority and impartiality of judiciary” in the interpretation of the European Court: Mass media and the interests of justice. *Precedentnaja praktika Evropejskogo Suda po pravam cheloveka*. 2016;(4(28)):3–18. (In Russian)
- [15] Efremov A. New information technologies in the case law of the European Court of Human Rights. *Precedentnaja praktika Evropejskogo Suda po pravam cheloveka* 2016;(6(30)):10–15. (In Russian)
- [16] Arapova G, editor. *The Price of the Word: New facets of Defamation*. Voronezh: OOO firma “Elist”; 2013. 112 p. (In Russian)
- [17] De Salvia M. *La Convenzione europea dei diritti dell'uomo*. 3rd ed. Napoli: Editoriale scientifica; 2001. 267 p. [Russ. ed. De Salvia M. *Evropejskaya konvencsiya po pravam cheloveka*. Saint-Petersburg.: “Yuridicheskii tsentr Press”; 2004. 267 p.].
- [18] Fathaigh RÓ, Voorhoof D. *The European Court of Human Rights, Media Freedom and Democracy*. In: Price ME, Verhulst SG, Morgan L, editors. *Routledge Handbook of Media Law*. London: Routledge; 2012. p. 107–124. doi: 10.4324/9780203074572.ch6
- [19] Rosenfeld M. *Hate Speech in Constitutional Jurisprudence*. In; Herz M, Molnar P, editors. *The Content and Context of Hate Speech*. New York: Cambridge University Press; 2012. p. 242–289. doi: 10.1017/cbo9781139042871.018
- [20] Balkin JM. Old-School/New-School Speech Regulation. *Harvard Law Review*. 2014;127:2296–2311.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Soboleva Anita K. — Candidate of Sciences (PhD) in Language Theory, Associate Professor, Department of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics.

Contact information:

e-mail: asoboleva@hse.ru